

Ростропович
М.

Июльск. - 1991 - 11 сент. - Л.З.

СЧАСТЛИВОЕ ПОТрясение АВГУСТА

Днем 20 августа, когда не было страха, но была тяжелая, томительная скука (снова уходим во тьму, и нового рассвета уже не дожидаться), я услышал от близких: «В Москву прилетел Ростропович». И — первая и единственная мысль в ответ: «Значит, все будет хорошо».

Он — против путча, и он неуязвим. Великий талант и великая слава оберегают его, и никто не поднимет на него руку. «Невозможно, чтоб убили люди», — написано у Толстого в «Войне и мире», но и Толстой знал, и мы знаем, что люди без разбора убивают людей. Но тут я твердо верил, что перед Ростроповичем отступят, что в него не выстрелят. Дыхание свободы пришло вместе с ним в Москву в этот день; говорю не о «свободном мире», не о Западе, а о той огромной личной свободе, которую может обрести человек на земле и которую обрел Мстислав Ростропович. Он летел в Москву без визы — и перед ним расступились, он пришел в Белый дом на набережной — и все двери открылись перед ним, он заговорил — и ему все внимали. Он поступал так, как считал нужным, и все делалось так, как он хотел.

В дни русских помрачений интеллигенция (конечно, не вся) бросалась вон из России, а тут великий русский бросился в Россию в день нашей беды. Необычно? Если речь идет о Ростроповиче, то нет ничего необычного. Он всегда шел на помощь своим соотечественникам и своей стране. Да и вообще: что мы твердим о верности одних и измене других? Никто ничему не изменял, ибо никто не изменял себе. Лукьянов лгал всегда. Цинизм партocrats не уменьшился и не вырос. Ростропович поступил естественным для себя образом: стал вместе с теми, кто отверг диктаторский «порядок».

Я говорю только то, что есть. В Москву прилетели не Солженицын, не Шенякин, не А. Зиновьев, не Лимонов. Прилетел Ростропович. Несказанно горды и счастливы мы, музыканты. Не

музыкант ли и должен был так поступить? Ибо быть музыкантом, великим музыкантом — значит говорить на всеобщем языке и переживать все на свете с невероятной интенсивностью. Быть виолончелистом, как Ростропович, — значит обращаться к слушателю со звучаниями сердечными и доверительными (не потому ли великие виолончелисты — и, кажется, только они из музыкантов-исполнителей — делались утешением целого народа в его драматической судьбе? Говорю, разумеется, о Пабло Казальсе).

Мы горды за Ростроповича, мы горды и за музыку, ибо и ее унижали в дни путча. О, эта «классика» по радио! До каких пор ее будут выставлять, как тяжелый, гнетущий официоз, как «музыку государства», если государство внушает презрение и страх? А «Лебединое озеро» по первой (и единственной) программе ЦТ вечером 19 августа! Почему оно на экране, когда хочется биться головой об этот экран? Почему горечь должна навсегда отравить для нас шедевр Чайковского? Но является Ростропович, и музыка спасена!

Он остается «классическим» музыкантом, но я с радостью отождествляю его с той музыкой, которая в три августовских дня вышла вперед. До августа я был глух к Шевчуку, Кинчеву, Цюю, но именно их песнями перемежались в дни и ночи путча передачи ленинградских радиостанций «Балтика» и «Открытый город», и я услышал, сколько боли, сколько правды и мужества в пении наших мальчиков, и голосом сопротивления стали их голоса, и они были достойны вас, Мстислав Ростропович, а вы были нужны им, как никогда до этого. С культом секса и насилия призывали покончить авторы приснопамятного «Слова к народу», и танки по Садовому кольцу двинулись на борьбу с насилием и сексом... Среди других «Слово» подписала певица Зыкина. Что ж, каждому свое. Только почему «классику» и фольклор всегда хотят поста-

вить справа в нашей культуре? Почему «верность традициям» всегда должна у нас иметь охранительный, если не репрессивный оттенок? Ростропович тоже верен традиции — русской традиции свободного художника. Его прилет в Москву — традиционное решение русского правдоискателя.

И при этом — ни капли ханжества: Ростропович легок и весел теми божественными легкостью и веселостью, которые дарует единственно свобода. «Бдительность с нами. Мы — у восьмого подъезда», — говорит он, услышав по «громкой связи» о тревоге у восьмого подъезда Белого дома. С ним не только бдительность (ее-то как раз меньше всего), с ним вечная оживленность художника, с ним юмор, то есть полнота существования. А наши радители порядка с их насупленной серьезностью — они словно и не подозревают, что на свете есть юмор, веселость, свет; наши национал-патристы, авторы «Слова к народу», — да улыбаются ли они когда-нибудь? Они обходятся без юмора, еще и этим совершают насилие над жизнью, еще и поэтому становятся добычей политического безумия. Не говорю, что путч был смешон — не смешны кровь и смерть. Но он сгинул еще и потому, что увидел перед собой Мстислава Ростроповича — эту воплощенную праздничность свободы, это бесстрашие человеческого юмора.

Все это потрясает. Мстислав Ростропович в Москве — миг нашего счастья в непроглядном августе 91-го; до сих пор с восторгом передают подробности (никого не предупредил об отъезде, оставил завещание), но уже сейчас многое становится легендой. Что ж, все это было чистой, возвышенной правдой, а только такой правде и уготована участь легенд.

Л. ГАККЕЛЬ,
доктор искусствоведения.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Фото С. СМЕРНОВА.